

У книжной полки

УДК 94(470) (049.32)

DOI: 10.28995/2658-6541-2020-3-142-157

«Вот – моя деревня...» (О новой книге В.П. Козлова)

Валерий С. Мингалев

*Российское общество историков-архивистов,
Москва, Россия, marbashev1@gmail.com*

Аннотация. Работа представляет собой развернутую рецензию на вышедшую в 2019 г. в издательстве РГГУ первую часть книги заслуженного профессора РГГУ В.П. Козлова, посвященную истории русской деревни Центральной России конца XVI – начала XX в. и особенно русского крестьянства. В рецензии рассматриваются источниковая база исследования Козлова, примененная им методика анализа данных и структура работы. Особое внимание уделяется впервые предложенному автором монографии методу экспертных оценок по десяти показателям положения крестьянства в разные периоды его истории – отмечаются положительные и спорные стороны этого метода в определении прогресса и регресса в истории русской деревни. Рецензент особо подчеркивает важность привлеченных в исследовании Козлова статистических материалов, которые позволяют на протяжении трех веков проследить в Епифанском уезде динамику численности крестьянского населения, числа крестьянских дворов, числа членов крестьянского двора, его оснащения живым и мертвым инвентарем, расслоение крестьянства и процесс отходничества. Отмечается, что труд Козлова широтой и глубиной рассмотренной проблематики является не только важным историко-краеведческим и генеалогическим исследованием, но и крупным вкладом в изучение русской деревни вообще.

Ключевые слова: В.П. Козлов, крестьянство, деревня, землевладельцы, деревня Горки, крепость Епифань, Епифанский уезд, Тульская губерния, барщина, оброк, реформа 1861 г., столыпинская реформа деревни, Отечественная война 1812 г., Крымская война, Ивановский судоходный канал, крепостное право

Для цитирования: Мингалев В.С. «Вот – моя деревня...» (О новой книге В.П. Козлова) // История и архивы. 2020. № 3. С. 142–157. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-3-142-157

“Here is my village ...”
(About V.P. Kozlov’s new book)

Valerii S. Mingalev

*Russian Society of Historians and Archivists,
Moscow, Russia, marbashev1@gmail.com*

Abstract. The work is a detailed review pertaining to the 2019 RSUH publication of the book by V. P. Kozlov, the RSUH Professor Emeritus. The work is devoted to the history of the Russian village, and especially the Russian peasantry, in Central Russia at the end of the XVth-beginning of the 20th century. The review examines the source base of Kozlov’s research, the method of data analysis used by him, and the structure of the work. The present article focuses on the method pioneered by V. P. Kozlov; this method of expert estimations according to 10 indicators reveals the position of the peasantry in different periods of its history; the author points out positive and controversial aspects of this method in determining the progress and the regress in the history of the Russian countryside. The present review particularly emphasizes the importance of the statistical materials involved in Kozlov’s research, which allow us to trace the dynamics of the peasant population, peasant households, the number of peasants in them, the amount of the livestock and the inanimate objects of different groups of the peasantry, the processes of stratification and abandonment in the peasant environment of the Epifan County over the three centuries. It is emphasized that Kozlov’s work is not only an important historical, local history and genealogical study, but also a major contribution to the research of the Russian village in general.

Keywords: V.P. Kozlov, peasantry, village, landowners, Gorki village, Epifan fortress, Epifan County, Tula province, barshchyna, obrok, 1861 reform, Stolypin village reform, 1812 Patriotic War. Crimean War, Ivanovo shipping channel, serfdom

For citation: Mingalev, V.S. (2020), “‘Here is my village...’ (About V.P. Kozlov’s new book)”, *History and Archives*, no 3, pp. 142–157, DOI: 10.28995/2658-6541-2020-3-142-157

Строка стихотворения русского поэта-демократа Н.А. Некрасова из старого школьного учебника родной речи припомнилась отзывом на пароль – название недавно вышедшей в свет книги известного историка-архивиста, члена-корреспондента РАН, доктора исторических наук, профессора Российского государственного гуманитарного университета В.П. Козлова («Убрать в историю...». Крестьянский род и поселение Тульского края в XVI–XX веках. Часть 1. Конец XVI в. – 1917 г. М.: РГГУ, 2019. 705 с.). Для многих,

как и для рецензента, книга стала настоящим сюрпризом, поскольку прежде автор не проявлял себя на аграрном фланге исторической науки в качестве профессионального специалиста, что оказалось на самом деле.

Знакомство с книгой вызвало желание без промедления откликнуться, не дожидаясь публикации второй ее части, когда следовало бы подготовить полноценную рецензию, чего заслуживает, не сомневаюсь, эта великолепная работа. Однако, боясь не дожидаться этого счастливого момента, в силу своего преклонного возраста и разгулявшегося по миру коронавируса, из-за которого, как и другие, оказался на карантинной самоизоляции, спешу поделиться впечатлениями и, нескромно, «мыслями», возникшими при чтении этой новой, по-настоящему новаторской и добротной книги с несколько удивляющим, взятым в кавычки названием.

Не скрою, название мне показалось поначалу не вполне соответствующим ее научной фундаментальности. Не раскрывает (без дополнительного пояснения) ее содержание и несет в себе не явный, но очевидный намек на научно-популярный характер, чтобы привлечь, наверное, более широкий круг читателей. Правда, такой литературный прием в науке используется нередко, все же иногда допустим и оправдан.

Тем более что название книги, со слов автора, принадлежит его отцу П.Е. Козлову, одному из истинных ее героев, потомственному крестьянину по происхождению и роду занятий, воину Красной армии – участнику штурма Берлина, оставившему личную роспись на стене поверженного рейхстага. Именно таким людям, своим предкам, изучению условий их жизни на протяжении нескольких столетий посвящено исследование поставленных в книге проблем истории крестьянства России.

Внимание исследователя сфокусировано на истории его малой родины, конкретного региона, одного поселения и своего крестьянского рода, однако вовсе не замыкается на этом, распространяясь далеко за пределы декларированных им в предисловии локальности и ограничений. Написание данной книги автор посчитал своим долгом перед крестьянством России.

Думается, книга В.П. Козлова появилась очень своевременно. Ведь новейшая научная литература, впрочем как и художественная, не слишком щедро освещает крестьянскую тематику вообще, а в отдаленной временем истории тем более, несмотря на то что еще недавно Россия была страной с преимущественно крестьянским населением, составившим «соль ее земли», отразившись в ее менталитете. Аграрный вопрос зачастую ребром стоял в России на пути всех социально-экономических и политических преобразований, то подталкивая и придавая импульс им, то противодействуя и сдержи-

вая, что, не исключено, продолжается до настоящего времени. Рассматриваемая книга в этом ключе представляется весьма актуальной и познавательной.

В совершенно классическом для научной монографии предисловии книги автор признается в затруднительности определения жанра своего произведения, ограничиваясь описанием замысла, иначе – целей, заключающихся в том, чтобы

на строго документальной основе и более или менее доказательных наблюдениях и выводах профессиональных исторических трудов нарисовать картину исторического пути одного крестьянского поселения и рода, представлявших частичку общей истории Тульского региона и всей нашей страны на протяжении приблизительно трех веков их и российской истории [Козлов 2019, с. 14].

По прочтении книги можно констатировать, что заявленный довольно скромно замысел автору удалось воплотить как нельзя лучше, по крайней мере в первой его части – до 1917 г. Труд вышел далеко за пределы исторического регионоведения и краеведения, личных мемуаров и частного генеалогического исследования. Несмотря на цитированные ограничительные рамки, жанр книги, без ложной скромности, следует представить как фундаментальную монографию, посвященную истории крестьянства России. Созаем, что фундаментальность исследования обеспечивается, конечно, не «физическим» объемом монографии, который в действительности впечатляет, а полнотой и, главное, качеством отбора массива источников, подлежащих освоению, глубиной их изучения и, разумеется, новизной и убедительностью полученных результатов, их научной и практической значимостью, а также общественным признанием, что, впрочем, бывает далеко не всегда и сразу единодушно. Не станем приводить примеры, они весьма многочисленны.

Круг источников проведенного исследования, привлеченных к изучению в основном впервые, чрезвычайно обширен. Наиболее важное место среди них занимают архивные документы из состава порой чудом сохранившихся во времени фондов центральных и местных учреждений Российского государства минувших исторических эпох, оказавшихся ныне на хранении разрозненно во многих федеральных, региональных, в отдельных случаях и в муниципальных архивах Российской Федерации.

Сложно даже вообразить, сколь гигантский труд потребовался исследователю, чтобы выявить необходимые архивные документы и привести собранный материал в состояние, пригодное к использованию для анализа, обобщения и представления в удобном для восприятия читателями виде. Одно это заслуживает нашей читательской благодарности.

Солидная источниковая база исследования классифицирована и представлена кратким описанием в предисловии. Укрупненная группировка источников проведена разделением их на три класса (с. 16), из которых наибольшее количество относится к классам документальных источников официального происхождения (официальных документов) и документальных источников личного происхождения, названного также классом документальных источников неофициального происхождения [Козлов 2019, с. 20].

Документация этих двух классов, учитывая их видовое разнообразие и практическое назначение, поделена на целый ряд типов: директивный, организационный, коммуникативный, информационный, учетно-отчетный, репродуктивный, персонифицированный, регулятивно-специальный).

По каждому из типов даны дополнительные пояснения о составе, назначении и доступности для изучения отдельных, наиболее важных для исследования видов документов [Козлов 2019, с. 16–20].

В классе документации неофициального, личного происхождения выделены как самостоятельные типы [Козлов 2019, с. 20–23]: мемуаристика; дневники; записки путешественников в ряду с топографическими и статистическими описаниями, обозначенные как полуофициальные документы; эпистолярные источники (переписка); творческие документы (статьи, доклады, литературные произведения, фольклор).

Группировка источников по типам в данном случае осуществлена применительно к задачам исследования, поэтому не вызывает особых возражений, несмотря на противоречивость отдельных позиций, расходящихся с принятой в источниковедении научно-теоретической классификацией документальных источников. Недоумение возникает только по поводу целесообразности выделения в обзоре отдельного класса сакральных документальных источников, представленных весьма редкими, по признанию самого автора, единичными примерами [Козлов 2019, с. 16, 23]. Следы использования их в книге, помимо предисловия, не обнаруживаются.

Обзор источников, несмотря на краткость, оставляет в целом впечатление полного соответствия задачам и фундаментальности исследования.

Кратким, чрезмерно, на наш взгляд, но нацеленным на поставленные в монографии задачи является также историографическое обозрение достигнутого уровня проработки выдвинутых проблем, в котором перечислительно названы имена историков, обращавшихся к отдельным их аспектам в разное время, с указанием в подстрочнике опубликованных ранее работ. Среди них встречаются известные имена и даже знаменитости, но также есть малоизвестные и вовсе безвестные или давно забытые имена и труды.

Поэтому напоминание автора о них в полной мере служит доброй памяти предшественников и научной справедливости. Умышленно никого не называю, заинтересованные смогут убедиться самостоятельно. Чтение, как известно издревле, занятие полезное: «Добро есть, братие, почитание книжное» («Изборник XI в.»).

Помимо источниковедческого и историографического обозрения темы, в предисловии книги представляются особенно интересными философские по масштабам, вполне соответствующим личности, размышления автора о современном состоянии и общественном восприятии истории как науки, которые служат основанием понимания ее роли и значения, мотивации изучения избранной проблемы, методологии и методики исследования. Здесь же даны обоснование выбора и характеристики четырех использованных им методов [Козлов 2019, с. 28–29].

Не вызывает сомнений важность первого из них, широко применяемого в исторических исследованиях, – статистического метода. Причем автор предупреждает читателя о необходимости критического отношения к «цифрам» статистики, скрупулезно, старательно собранной в книге [Козлов 2019, с.15]. Этим советом ниже мы обязательно воспользуемся.

Вторым поставлен в ряд метод субституции, подразумевающий использование близких аналогий при отсутствии прямых данных об объекте изучения. Данный метод близок к третьему – методу реконструкции. В связи с этим отметим вместо автора для себя, что тонкой и опасной границей между ними служит метод сублимации, т. е. подмены идей и понятий, родственной фальсификации, неоднократно и с большим успехом становившийся предметом тщательных исследований для автора книги в других его известных работах.

Четвертый метод назван методом упорядочения, смысл которого заключается в обеспечении логически доказательного повествования.

О конкретном практическом использовании методов подробностей не сообщается, хотя упоминания о них встречаются в отдельных местах в тексте книги. Видимо, автор посчитал, что читателям нет особой необходимости знать, в каких именно случаях и разделах книги его методы нашли применение, а самые дотошные из них краеведы и аграрники разберутся и так. На наш взгляд это все же упущение, поскольку книга является замечательным образцом историко-региональных и краеведческих поисков и решений сложных научных задач.

Вопросы о методике в таких делах могут быть вовсе не праздными. Исторические исследования, как и в рассматриваемом, связаны, как правило, с использованием не какого-либо одного или пусть

даже нескольких методов, а их совокупности – комплексно и системно. Именно тогда они доказательны.

Обращаем внимание на важную инновационную в методолого-методическом отношении авторскую разработку установления моментов прогресса в истории и критериях их экспертной оценки [Козлов 2019, с. 29–30]. По сути им предложена новая методика, подлежащая апробации в исследовании истории крестьянства, основанная на выявлении и экспертной оценке прогресса по выделенным десяти формализованным показателям и одного (одиннадцатого) сводного (суммарного) показателя крестьянской жизни.

Прогрессом предлагается считать ситуацию, оцениваемую понятием «лучше» при сопоставлении отдельных показателей и суммарного итога сравниваемых периодов.

Автор обратил внимание на относительность понятия «лучше» для оценки жизни «родителей – детей – внуков» и более протяженных периодов. Кстати, критерий «лучше» находил свое применение для той же цели оценки условий жизни народа: в частности, политическим руководством советской страны (Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев) с добавлением к нему еще слова «веселее», которое без промедления было дополнено юмористами из народа: «Шея стала тоньше, но зато длиннее». Других обобщенных доступных критериев пока не найдено, если не считать единичных – частных.

Не будем углубляться в эту сторону до поры публикации второй части книги. Считаю предложенную методику не только приемлемой, но и вполне оправдавшей ожидания в ее гипотетическом предположении об историческом прогрессе. Разработанный подход заслуживает, по нашему мнению, быть выделенным в самостоятельный метод экспертной оценки, наряду с указанными выше, поскольку имеет отнюдь не меньшее значение для данного исследования и его результатов, отраженных в книге (ее первой части).

Наши замечания и вопросы касаются частных. Например, следует ли в данной методике исследователю принимать на себя полностью роль единственного эксперта, не привлекая других специалистов, что могло бы повысить уровень доверия к полученным результатам. Перспективы предложенного В.П. Козловым метода видятся в применении развитого аппарата некоторых разделов математики, в частности теорий вероятностей, математической статистики, неопределенных множеств.

Другое пожелание вызвано необходимостью более точного формулирования последовательности ранжирования выделенных автором показателей прогресса крестьянской жизни. На передний край следовало бы, по нашему мнению, поставить показатели, поддающиеся более объективной количественной оценке, такие как «продолжительность жизни крестьянина (2)»; отсутствующие в данном

перечне, но встречающиеся в тексте глав количественные показатели (состав семьи, число семей одного двора, количество дворов поселения и т. п.); подобные же оценки других показателей (количественные данные о земле, инвентаре, тягловой и «механизированной» силе и пр.).

Вызывают сомнения правильность определения показателя «степень свободы» и постановка его на первое место в составе их избранной совокупности из десяти показателей. «Степень» предполагает необходимость соответствующей градации «свободы» (подобно математическому выражению «в квадрате», «в кубе», «в 4-й степени» и т. д.). Убрав слово «степень», можно согласиться с тем, что «свобода» всегда была и остается особой ценностной категорией и поэтому поставлена во главе остальных показателей. Однако это скорее все же оценка с позиций современного мировоззрения. Показатель «степени свободы» весьма трудноизмерим. Думается, значительно сложнее логического (качественного) описания показателя просто «свобода». Можем только повторить то, что отмечено самим автором и нами выше по поводу критерия «лучше» и гипотезы о прогрессе. Впрочем, еще придется вернуться к данным показателям при рассмотрении содержания основных глав рецензируемой книги, но прежде задержимся коротко на структуре монографии.

Структура книги представляется в целом логичной. Изложение большого исследовательского материала, разделенного на главы (их шесть), ведется хронологически последовательно в соответствии с принятой в истории России периодизацией, с учетом возникновения и существования государственного административно-территориального образования, являющегося объектом изучения, – Епифанский уезд (Тульской губернии), поселение Горки, от Средневековья, через периоды Нового и Новейшего времени, до 1917 года. Объем глав не одинаков. В основном они следуют единому плану. Выделяются некоторыми особенностями две главы – под № 1 и 4.

Первая охватывает начальный и ранний период истории становления и формирования объекта изучения (XIV–XVII вв.). Отличается, по признанию самого исследователя, недостатком источниковых ресурсов, базируется на переосмыслении и интерпретации накопленной обширной историографии. Это сделано с большим мастерством, великолепным литературным стилем.

Глава 4, как самостоятельный раздел (целая глава), несколько нарушает структурную гармонию книги, отступив от принятого в других главах плана, объединяющим мотивом в которых проходит жизнь крестьянства Епифанского уезда с обязательным включением «деревни Горки» в каждой. Глава, отметим, значительно меньшего объема остальных, занимает всего 30 страниц текста

[Козлов 2019, с. 379–429], поделена на два раздела. Однако они, безусловно, имеют важное обобщающее и новационное оригинальное содержание вполне самостоятельного значения для оценки предреформенного состояния общественного сознания России. Полагаем, что эти разделы, без всякого ущерба для идеи и содержания книги, могли быть помещены в предшествующей (третьей) главе или последующей (пятой), или в одной из них, что устранило бы структурную диспропорцию и различия глав.

Выделив главу 4, автор несколько отступил от заявленного им в предисловии разделения текста книги на шесть периодов и соответствующих им глав [Козлов 2019, с. 29–30]. В этой главе проводится анализ предреформенного состояния российского общества, собраны интересные факты, сопровождаемые тонкими наблюдениями и оригинальной их интерпретацией, по большей части относящиеся к русской деревне вообще, но не так строго конкретно и структурированно, как в других главах, относительно Епифанского уезда и его поселений.

Перейдем к краткому рассмотрению содержания основных глав.

Первая глава (глава 1) «Епифанский уезд на грани двух эпох российской истории (конец XVI – XVII в.», в сравнении с другими относительно меньшего объема, посвящена начальному периоду так называемого второго освоения плодородных земель верховьев Дона с его многочисленными притоками, входивших вначале в состав Рязанского княжества, формированию уезда и возникновению поселения Горки – малой родины автора книги. Не ставим перед собой задачу пересказа главы, вряд ли нам удалось бы сделать это лучше, чем картина, написанная в оригинале рукой настоящего мастера. Обратим внимание на тщательно проработанную историографическую основу главы. В известной мере это вызвано отсутствием не освоенных до него документальных источников раннего периода истории, сохранившихся в небольшом количестве, использованных исследователями-предшественниками. Тем не менее в главе все же нашли отражение некоторые из них, подобранные очень точно к месту и по времени. Например, летописная повесть о хождении митрополита Пимена в Царьград в 1389 г. (ПСРЛ, т. XI, с. 95) для описания природы и пустынности тех мест, где уже скоро расположатся исследуемые автором объекты – крепость засечной черты, в будущем уездный центр Епифань, и поселения, включая его родные Горки [Козлов 2019, с. 31–32]. Само название крепости, возникшей на месте более древнего поселения, автор этимологически связывает с именем боярина Епифана Кореева, упомянутого как посла князя Олега Рязанского к литовскому князю Ягайло и хану Мамаю в Летописной повести, которая рассказывает о событиях 1380 г. Ее создание исследователи относят к 1480–

1490-м гг. (XV в.). В более ранней, краткой, редакции летописной повести имени посла нет, так же как в более поздних списках и в разных редакциях Сказания о Мамаевом побоище. Возведение крепости Епифань датируется 1566–1567 гг. [Козлов 2019, с. 36]. Столь серьезное расхождение сопоставленных дат и событий вызывает сомнения этимологической связи имени боярина и топонима «Епифань». Однако посыл автора к дальнейшим краеведческим поискам в данном случае представляется очень заманчивым. Кстати, таких в данной главе и вообще в книге содержится немало. Интересен и второй раздел главы – сжатый историографический очерк о смуте в Епифанском уезде начала XVII в., в котором нашли приют поддерживавшие очередного пропольского Лжедмитрия смутьяны из казачьей среды. В следующем за ним разделе, о разрастании поместного землевладения и постепенном закабалении крестьянства, нарастание помещицкой кабалы не только научно обосновано, но и одновременно отображено в художественно-образной форме. В частности, ярким описанием представлена, видимо, типичная для XVII в. фигура стольника Безобразова [Козлов 2019, с. 75–79] с его методами управления хозяйством вотчины и крепостными.

Последний раздел главы посвящен поискам истоков родового гнезда – поселения Горки, «откуда есть пошла и стала быть» его родная земля и род Козловых. Довольно-таки «глухие» сведения об этом относятся к концу XVII – XVIII в. и оцениваются автором по-гамлетовски вопросительно: «быль или небыль», попутно ему удается убедительно показать многие «кирпичики» основания крестьянского труда, быта и формирования менталитета.

Завершается глава оценочной таблицей показателей состояния крестьянской жизнедеятельности, о которой велась речь выше. Поскольку таблица является начальной для последующих таблиц сравнения, в ней устанавливаются усредненные показатели экспертной оценки по 10-балльной системе, т. е. присвоение 5 баллов каждому показателю при условии возможности их уменьшения или увеличения в пределах от 0 до 10 в дальнейшем, для определения по сумме 10 показателей улучшения или ухудшения крестьянской жизни по отношению к уровню XVII в. [Козлов 2019, с. 96].

Присвоенная в первой таблице величина каждому из 10 показателей 5 баллов, в сумме $\Sigma=50$, считается условной, полученной умозрительно логическим путем, а не в результате каких-либо экспертных расчетов, что не исключает возможности ошибочной оценки здесь и в дальнейшем. Определенной страховкой от этой вероятности эксперту, в данном случае автору, служит то, что экспертной оценке подвергается не один, скажем даже суммарный (итоговый), а совокупность (10) показателей. Экспериментально это проверяется по итогам обзора таблиц других глав книги.

Во второй главе «Епифанское крестьянство под пьедесталом имперского величия России в XVIII в.» рассматриваются поставленные ранее задачи изучения крестьянской жизни в условиях сложившегося в России абсолютизма монархической власти.

Даже природно-климатическая среда изучаемого региона претерпела существенные изменения под управляющим воздействием монарха, пытавшегося реализовать амбициозный проект создания флота для борьбы с Османской империей за доступ к Черному морю. Реализовать полностью строительство Ивановского судоходного канала не удалось. Тем не менее регион, и Епифань в частности, на определенное время были включены в орбиту этого «грандиозного» предприятия, получив дополнительные импульсы расширения хозяйственной деятельности и стимулы развития. Картина эта представлена широким полотном и аргументирована множеством разных и весьма интересных статистических таблиц, заслуживающих специального внимания. Обратимся только к некоторым из них. В таблице приведены сведения о численности Тульской губернии, отразившей непрерывный рост на протяжении всего XVIII в. численности населения, увеличившегося более чем в 1,8 раза [Козлов 2019, с. 108]. Подавляющую часть его составляло крестьянство, к концу века насчитывавшее почти 93%, в том числе около 80% – крепостное (в данных обо всем населении губернии за 1782 г. обнаруживается опечатка – пропуск цифры).

В структуре крестьянского населения уезда основной компонент представлен помещичьими крестьянами, что видно из табл. 5 [Козлов 2019, с.109], а состав двора характеризуется там же показателем 10,2 человека, значительно выше, чем в XVII в.

Вызывает любопытство и демографическая статистика (табл. 6 – с. 110), отражающая возрастную ситуацию среди жителей Епифанского уезда, понятно, крестьян, на конец первой четверти XVIII в.

Согласно оценке автором трудоспособного возраста (от 16 до 60 лет), в таком возрасте находилось больше половины жителей и, следовательно, они могли прокормить остальных «по тогдашним меркам», что на первый взгляд воспринимается вполне оптимистично еще и потому, что значительную часть статистики составлял подрастающий резерв трудоспособных (до 15 лет), почти 10 тыс. человек, т. е. около половины жителей.

Однако из анализа данных той же таблицы можно сделать вывод, что средняя продолжительность жизни большинства не превышала 50 лет. До преклонного возраста (от 60 до 90 лет) удавалось дожить немногим (не более 5%), а возрастная группа 50–60 лет составляла всего 6–7%. И это уже не вызывает положительных эмоций. Кстати, косвенно это подтверждается архивными документами

и рассуждениями автора о судьбе одного из своих предков – Родиона Савельевича Козлова (с. 188), близкого к 50-летию, и Ефима Родионовича, прожившего 48 лет [Козлов 2019, с. 188–189].

Отдельные таблицы содержат лишь отрывочные сведения (табл. 7, 8, с. 111–112) о росте населения Епифанского уезда, но они позволяют вести наблюдения особенностей устройства крестьянской жизни в уезде, распределения земельной собственности, ее использования.

Значительная часть главы освещает судьбы епифанского дворянства XVIII в., рассмотренные под углом зрения земле- и душевладения. В ней выявлены и убедительно представлены разные системы хозяйствования на Епифанской земле, из которых главными названы барщинная и оброчная. Рассмотрены причины и условия их появления, а также экономические основы крепостного крестьянского хозяйства, дифференциация земельных владений, рост числа «дворянских гнезд», формы организации управления с конкретными примерами оценки эффективности и, наоборот, неэффективности до разорения.

Немалое место в главе отведено анализу протестного движения крепостного крестьянства, сопротивлению помещичьему гнету и, в частности, описанию событий, связанных с восстанием под предводительством Пугачева.

Заключительная часть главы содержит резюме об условиях жизни крестьянской семьи на примере предков из рода В.П. Козлова, Родиона и Ефима, а также сводную сравнительную таблицу показателей жизни на основании собственной авторской экспертной оценки [Козлов 2019, с. 198]. Из таблицы проистекает вывод о регрессе крестьянской жизни в XVIII в. по отношению к XVII в., особенно по показателю «степень свободы» (–4) и, очевидно, связанному с ним показателю «реального участия в жизни общины...» (–1). Колебания в оценках некоторых других показателей противоречивы, вызывают сомнения и вопросы, но они незначительно сказываются на общих результатах и выводах экспертной оценки, которую, по-моему, следует признать объективной.

В третьей главе книги содержится анализ большого исторического материала по выдвинутым в исследовании задачам, относящийся к дореформенному периоду, т. е. до начала 60-х гг. XIX в. Основной источниковый материал разделов главы составили документы архивных фондов РГАДА, ГАТО (Госархив Тульской области) и РГВИА. Впервые привлеченные, они позволили исследователю осуществить глубокий анализ условий жизни крестьян предреформенной России и их эволюцию за более чем полувековой период. Начатый с характеристики природно-климатических изменений, определенно первичных для крестьянской жизнедеятель-

ности, анализ показал воздействие на результаты сельскохозяйственного труда и их зависимость от погоды, нередко приносившей неурожаи и связанные с этим другие бедствия. За первые полстолетия XIX в. неурожаи случались 17 раз, причем некоторые дважды и трижды, а один раз даже четыре года подряд [Козлов 2019, с. 201]. Помимо повторяющихся неурожаев бедствия несли нередкие эпидемии (не ко времени упомянуто, потому что рецензенту как раз сейчас приходится укрываться от напасти в установленном полукарантине – самоизоляции от коронавируса) и еще более испытания частыми войнами, разорительными для крестьян не только от рекрутских наборов, но и от многочисленных ополчений и трудовых повинностей, включая транспортно-подводные, растянувшиеся от Епифани до западных губерний (Витебск, Вильна). При этом автору удалось показать историю событий, отразившихся на крестьянстве, правдиво, без прикрас и ура-патриотических преувеличений в отношении антинаполеоновских войн начала XIX в., Отечественной войны 1812 г., затянувшихся войн с Турцией в Причерноморье и на Кавказе, а затем Крымской войны. Что касается последней, то она, как и война 1812 г., легла на плечи епифанского крестьянства тяжелым бременем, обострив внутриобщинные противоречия в деревне. Изменились в сторону сокращения многие сельскохозяйственные показатели. Не станем их здесь приводить: все они подкреплены анализом сведений, почерпнутых из архивной документации, и иллюстрированы неоспоримыми историческими фактами и образными примерами.

Очень интересным и познавательным является последний раздел главы о д. Горки и семействах крестьян Козловых первой половины XIX в. Живописно, ясно и популярно представлены описания различий и тех или иных преимуществ крестьянского «оброка» и «барщины», понятия «тягла» и многих иных терминов, относящихся к аграрной истории. Колоритно представлены и фигуры крестьян рода Козловых, истории воинов-рекрутов из их числа, а также судьбы помещиков-землевладельцев округа д. Горки и других поселений. Когда читал, немало поражаюсь, до чего же именами и судьбами Козловы в епифанских Горках Тульской губернии похожи на моих сибирских предков – крестьян из Омской губернии. Вот при описании находки за обрешеткой погребца боевой шпаги, будто бы принесенной из Крымского похода кем-то из предков, упоминается Сергей Емельянович (Козлов, 1900 г. р.), полный тезка моего отца (С.Е. Мингалева, 1911 г. р.). Кстати, подобный пример находки холодного оружия, шашки польского кавалериста, припоминаю и из своего детства.

Теперь несколько слов о заключительной сводной таблице экспертной оценки показателей крестьянской жизни (с. 396). Сум-

марные ее итоги мало чем отличаются от аналогичных сведений XVIII в., да и исходного для расчетов XVII в. Прогресс оценен разницей в 3–4 единицы в сторону снижения, т. е. регресса, свидетельствуя о длительной стагнации жизнедеятельности крестьянства Епифанского уезда. Но, может быть, это показатель стабильности жизни русского крестьянства? Тогда почему так низок показатель «степени свободы» по отношению к XVII в. (1 – XVIII в., 2 – XIX в. – против 5 в XVIII в.)?

О главе 4 «Покушение под пьедестал: крепостное право в общественном сознании России в XVIII – конце 50-х годов XIX в.» наше впечатление было изложено ранее, при анализе структуры книги. Оно сводится к тому, что выделение данного раздела в самостоятельную главу является недостаточно обоснованным по структурно-логическим соображениям. Что касается ее содержания, то к нему никаких претензий нет. Глубина, новизна, оригинальность изложения материала в ней очевидны и заслуживают всяческого одобрения, вне зависимости от сравнительно небольшого объема и структурного размещения. Особо привлекательно наличие в нем местного, именно «епифанского» элемента, в частности «Библиковского проекта» реформирования землевладения, противостоящего «чернскому проекту». Различия проектов в подробностях проанализированы в рецензируемой книге.

Глава 5 «Не состоявшееся состояние» освещает реформу крестьянской жизни 1861 г., связанную с отменой крепостного права, и ее проведение в Епифанском уезде Тульской губернии, констатируя ее противоречивость и замедленный ход, длившийся до конца XIX столетия с переменными и половинчатыми результатами в землевладении и землепользовании. На этот счет глава содержит серьезную подборку множества аналитических и иллюстративных, главным образом статистических, таблиц, снабженных пояснениями и убедительными примерами, рассуждениями и выводами. Неспешность проводимых реформ в определенной мере способствовала радикализации отношения к ней в российском обществе, отразившегося в убийстве главного реформатора – царя Александра II и появлении народников и их подпольных организаций. На таком, обобщенно, фоне в главе далее рассматриваются, как и в предыдущих, природно-климатические и другие связанные с ними условия жизни крестьян Епифанского уезда, зачастую свидетельствующие о кризисном их состоянии, что подтверждается также генеалогическими изысканиями автора и жизнеописанием им длинного ряда представителей своего крестьянского рода, проживавшего в семейном гнезде д. Горки. Некоторые из них вынуждены были в конце XIX в. заниматься отходничеством, находясь на заработках в Москве.

Оценивая в конце главы показатели жизнедеятельности по своей экспертной системе, автор пришел ко вполне логичным выводам по сумме показателей об их повышении за полу столетие к началу XX в. на 9 баллов, что можно расценивать как достаточно быстрый их рост по отношению ко всем предыдущим периодам. Представленная в главе табл. 67 [Козлов 2019, с. 570] содержит достаточно убедительные пояснения к каждому показателю, чего так не хватало в других главах.

Последняя, 6-я глава «Сильнее гнева: Елифанский край между двумя революциями» охватывает исторический период 1900–1917 гг., в котором аграрный вопрос приобрел еще большую, чем прежде, остроту, проявляясь в нарастающем протестном движении в борьбе крестьян за землю, в том числе через крайние меры поджогов и пускания «красного петуха». Половинчатые реформы, включая столыпинскую, утихомирить крестьянскую стихию уже не могли. Войны, русско-японская, а затем Первая мировая, ее только усиливали. Нарастало и социальное расслоение крестьянской среды. Наблюдения, аргументы, выводы и результирующие рассуждения в этой главе, как и в предыдущих, подкрепляются многочисленными статистическими таблицами (№ 68–92) и просто цифровыми количественными показателями, основанными на архивных документах. Убедительность аналитическому описанию в главе ситуации начала 1900-х гг. придает обращение автора в нем и к своей семейной истории д. Горки.

Сводная таблица (93, с. 690) экспертных оценок показателей жизни крестьян Елифанского уезда, содержащая данные всего лишь за 1900–1917 гг., т. е. менее чем за 20 лет, свидетельствует о значительном прогрессе (на целых 10 баллов) по отношению к предыдущему 40-летнему периоду, в котором сумма составляла 57 баллов. К сожалению, на этот раз комментарии к таблице ограничиваются парой констатирующих фраз.

Книга имеет заключение, представляющее собой сжатый очерк общих итогов большой исследовательской работы по истории крестьянства России со второй половины XVI до начала XX в.

В отличие от других столь же капитальных, фундаментальных исследований по аграрной истории России, выполненных в разные годы известными учеными в ракурсе общероссийского, т. е. макроуровневого историко-экономического, историко-правового и социально-политического подходов (П.А. Зайончковский, И.Д. Ковальченко и др.), монография В.П. Козлова (ее первая часть), являясь столь же фундаментальной, как труды названных авторитетов исторической науки, убедительно показала широкие возможности решения аналогичных задач при историко-региональном, т. е. «микроуровневом», подходе к исследованию крупных проблем аграрной

истории, локализованных временным периодом, регионом, социальной группой; в конкретном данном случае – Епифанским уездом Тульской губернии, его поселениями в частности д. Горки, их населением, крестьянской семьей.

Конечно, масштабы и результаты проделанной В.П. Козловым исследовательской работы выводят ее за ограничительные рамки исторического регионоведения, позволяя считать ее значительным и долговременным достижением исторической науки, особенно по ее аграрному направлению – истории крестьянства России. И это позволяет мне высказать предложение автору набраться дополнительных сил и желания подготовить сокращенный научно-популярный вариант своей фундаментальной работы в историко-краеведческом ключе. Думается, что такая книга была бы встречена с не меньшей благодарностью массовым читателем, чем уже осуществленное издание, вторую часть которого ждем с нетерпением.

Литература

Козлов 2019 – Козлов В.П. «Убратъ в историю...». Крестьянский род и поселение Тульского края в XVI–XX веках. Часть 1. Конец XVI в. – 1917 г. М.: РГГУ, 2019. 705 с.

References

Kozlov, V.P. (2019), “To go down in history...” *The peasant lineage and the settlement in the Tula province in the 16th–20th centuries*, Part 1. The end of the 16th century – 1917, RSUH, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Валерий С. Мингалев, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; marbashev1@gmail.com

Information about the author

Valerii S. Mingalev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities; Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; marbashev1@gmail.com